

— Чего уставился, совсем обалдел? Сотню раз звала, сказала — иди в зал, иди в зал, а ты всё сидишь!

— На чужое мясо пялишься? Думаешь, от этого оно твоим станет? И коту дают, и собаке дают, а тебе — нет! Ты кто такой? Чужой кот, что ли, или собака?

— Давай, вставай! Глаза пустые, только и знаешь, что жрать, жрать, жрать! Чтоб ты подавился!

Гао Чан не собирался реагировать на её колкости. Это происходило не в первый раз. Поскольку он мог добыть мясо, большинство людей во дворе относились к нему приветливо. Как, например, Чжэн Жисинь, который иногда помогал спустить лестницу, чтобы получить немного еды для своей жены и детей и разнообразить их скудный рацион. Но были и те, кто испытывал к нему ненависть, подобно тому, как класс крестьян ненавидел Хуан Шижэня, хотя Гао Чан никогда ни с кого не собирал арендную плату.

Гао Чан поманил к себе того ребёнка, который всё ещё сидел неподалёку и не желал уходить. Мальчику лет шести-семи, и он, не задумываясь, подошёл, совершенно не принимая во внимание рёв и ругань своей матери. Гао Чан протянул ему кусок жареной змеи:

— Попробуй, посмотрим, от этого дохнут или нет.

— Не дохнут, — ребёнок тут же сунул змеиное мясо в рот, пытая и разжёвывая. Во дворе было много детей постарше его, а сегодня никто, кроме него, не выпросил змеиного мяса. Если он не запишет его в рот и не съест сейчас, позже, глядишь, кто-нибудь отнимет.

— Тогда иди и скажи своей мамаше, чтобы не болтала лишнего, — Гао Чан потрепал мальчика по затылку и отпустил.

Сейчас всем жилось несладко, у некоторых женщин нервы были на пределе, и ссориться с ними сейчас было действительно бессмысленно — ни победа, ни поражение не имели значения.

Температура уже поднялась, но из-за обилия насекомых снаружи они не могли сеять, а запасы продовольствия в их дворе становились всё скуднее. Поэтому в саньхэюане начались частые ссоры, и большинство из них были связаны с едой. Некоторые раньше не жили в деревне, поэтому, естественно, не имели запасов. Вернувшись в деревню, они либо питались за счёт родителей, либо за счёт братьев и сестёр, либо одалживали зерно у других.

Питаться за счёт родителей было относительно проще, но если в семье был не один ребёнок, часто возникали перепалки. Питаться за счёт братьев и сестёр было не так-то просто. В хорошие времена ещё куда ни шло, но сейчас все едва могли прокормить своих собственных детей, так кто же будет заботиться о других? Братья и сёстры, обзаведясь своими семьями, разве не становились уже чужими?

Одалживать зерно у других было ещё труднее. Начиная с прошлой осени, если кто-то постоянно брал зерно в долг, то к настоящему моменту каждый должен был не менее сотни цзиней. Взятое обязательно нужно возвращать, но, глядя на нынешнюю ситуацию в полях, откуда они возьмут зерно для возврата? Когда запасы в амбарах кредиторов тоже начали постепенно подходить к концу, те начали требовать долги самыми разными способами, не успокаиваясь, пока не выжмут у должника последние крохи еды.

В этот период ссорились почти все семьи. Либо ругались внутри своей семьи — жилось тяжело, настроение было нервным, неизбежно возникали перепалки. Либо ссорились с другими — здесь ситуаций было множество. Например, семья дяди Ашаня, жившая по соседству с Гао Чаном, тоже поссорилась с людьми, причём довольно серьёзно, даже дошло до крови.

Причиной стало то, что Чжэн Цзунмин, сын Чжэн Голия, тайком воровал яйца из курятника в их дворе. Он делал это несколько дней подряд. Сначала не знали, кто это, но потом Чжэн Госи и Гунцзянь устроили засаду и наконец поймали его с поличным. Они тут же повели его к ним домой, дядя Ашань и тётя Ашань тоже пошли.

Но родители Чжэн Цзунмина, Чжэн Голия и его жена, были не из простых. Хотя их сына поймали на месте преступления, они всё равно твердили, что это недоразумение. Дядя Ашань и его семья, естественно, не могли с этим согласиться — ведь у них уже несколько дней воровали яйца, и сейчас они во что бы то ни стало должны были заставить ту семью возместить ущерб. Разговор становился всё жарче, и в конце концов дело дошло до драки. Чжэн Цзунмин тоже был лихачом, не боявшимся кусаться, он бросился бить Чжэн Госи, но был оттолкнут стоявшим рядом Гунцзянем, ударился головой о ступеньку и сразу же обагрился кровью.

Тут уж началось нечто ужасное. Чжэн Голия и его жена стали гоняться за дядей Ашанем и его семьёй, требуя компенсации зерном, и дядя Ашань, естественно, не мог согласиться. В конце концов, вся эта суматоха закончилась ничем: дядя Ашань не компенсировал семье Чжэн Голия зерно, а Чжэн Голия не компенсировал дяде Ашаню яйца, но вражда между двумя семьями была положена.

Когда человека загоняют в угол, чувство стыда постепенно притупляется. В этом дворе яйца воровали несколько семей, и воровали не только Чжэн Цзунмин. Однажды Гао Чан собственными глазами видел, как один ребёнок из их двора тайком взял чьи-то яйца. Тот ребёнок, взяв яйца, обернулся и увидел, что Гао Чан пристально на него смотрит. Он схватил яйца и убежал, и потом долгое время, завидев Гао Чана, обходил его стороной. В то время, когда Гао Чан жарил змеиное мясо, тот даже не смел подойти и попросить.

К таким мелким проделкам обитателей двора Гао Чан обычно относился сквозь пальцы. В прошлой жизни он видел вещи и в сто раз более жестокие. В городе было так много людей. Когда появился синий солнечный свет, некоторые вернулись, а некоторые выбрали остаться в городе. Выбравшие вернуться не обязательно действительно могли дойти до своей родной деревни. А среди выбравших остаться всегда находились те, кто бесследно исчезал среди незнакомых людей.

В том жилом комплексе, где раньше жил Гао Чан, после появления синего солнечного света

население постоянно сокращалось. Некоторые погибли в несчастных случаях во время поисков еды, некоторые умерли от болезней или голода, а были и те, чью причину смерти никто не мог назвать, и даже тела не видели — вчера ещё вместе ходили искать еду, а сегодня человека уже нет. А в том временном коллективе кто по-настоящему интересовался жизнью и смертью других? Все по умолчанию выбрали молчание и неуглубление в детали.

По крайней мере, в этом саньхэюане пока не происходило злонамеренных случаев причинения вреда, только воровали несколько яиц. Все во дворе знали друг друга, и кто осмелился бы быть слишком беспринципным?

В курятник Гао Чана, правда, никто не осмеливался залезть за яйцами. Возможно, потому что все знали, что у Гао Чана есть ружьё, а может, потому что Да Хуан выглядел слишком устрашающе. Но даже если никто не воровал их яйца, трёх кур Гао Чана всё равно не хватало, чтобы прокормиться. Главным образом потому, что сейчас зерно было в большом дефиците, и у всех не было хорошего корма для кур. Не говоря уже о рисе, даже отрубей было не достать. Три старые курицы Гао Чана обычно могли только клевать гнилые овощные стебли, и редко бывало, чтобы за день снеслось даже два яйца.

В яйцах тоже было не много питательного. Все знали, что в старых курицах достаточно жира, но никто не решался их забить. Наевшись, Гао Чан покормил своих кур, забрал из курятника единственное сегодняшнее яйцо и вместе с Да Хуаном и Мяоцзай вернулся в дом.

Гао Чан подумал, что, возможно, ему стоит сходить в горы. Если повезёт, может, и встретится дикий кабан. С его нынешними навыками справиться с одним кабаном было раз плюнуть. Но повсюду в горах сосновые шелкопряды действительно вызывали досаду. Этой гадости было так много, что от неё не спрятаться.

Гао Чан сел на кровать, скрестив ноги, для медитации. Да Хуан тоже свернулся калачиком рядом. Этот парень в последнее время был немного молчалив — неужто переходный возраст наступил? Гао Чан невольно с ностальгией вспомнил того большого пса, что когда-то бегал с ним по горам, спасаясь от погони.

Через некоторое время Мяоцзай, прогулявшись снаружи, вернулась, одним прыжком запрыгнула на кровать. Да Хуан слегка приоткрыл глаза и ударил её хвостом. Реакция у котёнка была быстрой, он прыжком уклонился, но не успел как следует встать, как лапа Да Хуана уже настигла его. Мяоцзай скатилась на пол, перекувырнулась несколько раз, встала, отряхнула шерсть и снова попыталась запрыгнуть на кровать, но снова и снова была сбита вниз.

К этой сцене Гао Чан уже давно привык. С тех пор как с Мяоцзай сняли проволочный ошейник, Гао Чан перестал запираť её на ночь в погребе. Кота заводили для ловли мышей, и держать его постоянно взаперти было неправильно. Поэтому он постелил в картонную коробку мягкую старую одежду и устроил Мяоцзай спать там.

Но что было неприятно, так это то, что этот котёнок, неизвестно почему, именно эту кровать

считал своей. Он, вероятно, не очень понимал, почему, хотя обычно они втроём всё делали вместе, спать ему приходилось отдельно. С этой точки зрения, они втроём действительно должны были спать вместе — все живые существа равны, нет причин, по которым Гао Чан и Да Хуан могут спать на кровати, а Мяоцзай — только в коробке.

<http://bllate.org/book/15437/1369051>